

ПРЕЗИДЕНТСКИЙ СПЕЦНАЗ

Александр
ТАМОНИКОВ
СИРИЙСКИЕ СПАРТАНЦЫ

Президентский спецназ: новый Афган

Александр Тамоников
Сирийские спартанцы

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Сирийские спартанцы / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2016 — (Президентский спецназ: новый Афган)

Группе спецназа майора Павла Новикова приказано скрытно выдвинуться в район сирийско-турецкой границы и уничтожить колонну бензовозов с нефтью, тем самым заблокировав контрабандный трафик «Исламского государства». Во время выполнения боевой задачи бойцы были окружены многочисленной и хорошо вооруженной бандой исламистов. Группе Новикова ничего не оставалось, как вступить с врагами в неравный бой...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А. А., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	21
Глава третья	25
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александр Тамоников

Сирийские спартанцы

© Тамоников А. А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

*Все изложенное в книге является плодом авторского воображения.
Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.
От автора*

«Эксперты в военной сфере полагают, что необходимо восстановить войска сирийского правительства, а также поработать над их боеспособностью. Только в этом случае можно добиться результата и должного сопротивления в ходе нападений ИГИЛ. Россия будет помогать Сирии только разведкой и ударами с воздуха – исходя из просьбы господина Асада, президента Сирии...» (RRNEWS.RU)

Глава первая

Российская Федерация; Сочи – Москва
Кипр; Ларнака – Сирия; Латакия

Некоторое время назад

Прилетев на побережье Черного моря, Павел Новиков надеялся, что его оставят в покое и дадут спокойно отдохнуть. Законные две недельки. Или хотя бы одну. И все же глубоко в подсознании пульсировала беспокойная мыслишка: в Сирии назревает большая драка; как бы не выдернули для очередного рейда.

В первые три дня он вдоволь наплавался в море, належался на горячем песочке, выпался и отъелся харчами, предлагаемыми в специальном санатории для сотрудников ФСБ. Он был свеж, бодр и готов к половым приключениям, но при этом подспудно ожидал звонка от шефа.

Соседи по этажу корпуса подобрались сплошь болезные, возрастные, хронические. Загнанные проблемами, понурые и с перхотью на воротнике. К тому же сильно употребляющие. Если кто-то считает, что в летний зной наши бухмейстеры переходят на воду и квас, то его ждет горькое разочарование. Вода – чтоб помыться, квас – для окрошки. А капризы погоды поводом к завязке служить не должны. Сам Павел от крепких напитков решил воздержаться и в основном баловался холодным пивом и натуральными соками.

Есть такое неписаное правило: чем меньше больница – тем лучше больному. Данная формула годилась и для санаториев. Закрытый санаторий для сотрудников ФСБ был небольшим, и лечили здесь действительно хорошо. Только с развлечениями было туго. Помимо шикарных посиделок на разбросанных по аллеям деревянных лавочках, имелись бильярд, настольный теннис, домино и телевизор, по которому день и ночь транслировали радость электората: криминал, политику и светскую блевотину.

Дабы не повеситься от такого разнообразия, следующие два дня Новиков решил посвятить поиску симпатичной подружки, способной скрасить отпуск. Он слишком долго жил, не имея жены, поэтому привык к молодым и красивым женщинам.

Сначала не везло. Молоденькая девочка-консьержка, к которой он подвалил после обеда, его не замечала.

– Представляешь, в семнадцатом веке термометры наполняли коньяком, а не ртутью, – оживленно рассказывал приятелю какой-то важный пожилой дядька.

Приятель качал седой головой:

– Сволочи...

Дождавшись, когда старшее поколение скроется из виду, Павел подошел ближе и, улыбувшись, сказал:

– Меня зовут Павел. Позвольте узнать ваше имя?

Девочка внимательно посмотрела на него, изящно поправила короткую юбочку и абсолютно серьезно выдала:

– Скажите, а вы Сталина помните?

Новиков наклонился, ласково поглядел в незамутненные, почти детские глаза знатока истории из «поколения пепси». Потом сделал хищное лицо, демонстративно оценил стройную фигурку, нагло нырнул взглядом в глубокий вырез блузки и ласково шепнул юному созданию на ушко:

– Ты, золотко, не ленись – найди меня вечером в местном ресторане. Я урок истории тебе преподам. За Сталина не обещаю, а вот Лаврентия Палыча Берия пару раз изображу во всей красе.

Поднявшись в свой номер, Павел подошел к зеркалу.

«Ну что за хрень?! Откуда такая напасть?.. – Разглядывал он свое отражение. – Да, фейс не первой свежести и чуток «побитый молью». Да, подрастерял немного волос по чужим подушкам. Да, разменял тридцатник. Но вроде пока не сыплюсь; вполне себе крепкий мужик, который ест все, что вкусно, а не то, что полезно и посоветовали врачи. В постели дам фору любому юнцу и денег теткам за любовь пока не плачу. Так в чем же дело?..»

Однако расстраивался он недолго и в тот же вечер все же подцепил на крючок довольно хорошенькую особу. Даже более привлекательную и стройную, чем глупенькая консьержка.

* * *

Свой характер он оценивал критически. «Справедлив, но с подчиненными бывает излишне строг», – значилось в его характеристике. И с этим трудно было поспорить. Спасало то, что в наше время дисциплина в спецподразделениях поддерживалась исключительно строгостью. Времена замполитов и «линии Коммунистической партии» канули в Лету. На смену вначале подсунили воспитателей, да толку от них было не больше абсолютного нуля. Все воспитатели сидели по штабам и по казармам, а на опасные операции по-прежнему отправляли простых смертных. Вот и приходилось иногда напирать на голосовые связки и авторитет. Для пользы дела и сохранения жизни тех же подчиненных.

Имелись и другие недостатки в характере. Временами он был излишне дотошен в тех делах, которые касались службы. В перерывах между операциями часто уходил в себя и замыкался.

В противовес отрицательным чертам были и положительные. Их Новиков, пребывая в философском настроении, насчитал ровно восемь. Под первым номером значились ненависть и беспощадность к врагам Отчизны. И вот тому подтверждение.

Пару лет назад группу забросили в Центральную Африку для освобождения заложников – российских врачей из миссии Красного Креста.

Днем жара, как в машинном отделении «Титаника». Ночью прохладно и шляются дикие звери. Все бы ничего, да несколько бойцов, проводя разведку, напоролась на приличный отряд местных упырей-бандитов. Примерно треть упырей положили, но самих пленили, так как двоих ребят серьезно подранило – отойти к своим не представлялось возможным.

Новикова и Кудина связали, раненых Лапина и Бобровского закинули в кузов дряхлого пикапа, который, гудя и чихая, поехал куда-то на север...

Настроение было отвратным. Как можно так глупо провалить операцию?! О наличии в этой африканской дыре разрозненных бандформирований Шестопалов известил заранее – еще до вылета из Москвы. Перед выходом в разведывательный рейд снайпер Устинов и пулеметчик Горбенко прошвырнулись вокруг лесистого пригорка, на котором обосновалась группа. В радиусе двух километров было тихо и безлюдно. И вот на тебе – напоролась.

Через полчаса поездки по тряской дороге разведчиков привезли в небольшой городишко и затолкали в деревянный дом.

Откуда-то появляется чернокожий доктор. Он был в коротких штанах канареечной расцветки и белой футболке; на шее фонендоскоп, в зубах сигарета. Осмотрев раненых, он приступил к врачеванию. «Ну, слава богу, – подумал Павел. – Если сразу не пустили в расход, значит, мы им зачем-то нужны. А это уже шанс!»

Новикова и Кудина препроводили в соседнее большое помещение, похожее на душевую. Видимо, для допроса. Помещение оказалось пустым. Из обстановки – несколько крючков для одежды на стенах, три трубы под потолком с лейками на концах и странной формы лавка, собранная из больших кусков пальмового дерева. Окон в душевой не было вообще.

После того как связанных спецназовцев усадили на лавку, трое африканцев с автоматами и зверскими рожами нависли над их головами. А трое других чернокожих бандитов принялись поочередно избивать пленников.

Ей-богу, если бы Новикова в тот момент не били, он рассмеялся бы во весь голос. Руки и ноги у местных аборигенов походили на оглобли или черенки от совковых лопат. Но тем было наплевать на свою убогую внешность. Главное – оскалить зубы, страшно выпучить глаза и приставить к затылку безоружного человека ствол автомата.

Славка Кудин молчал и сочувственно созерцал, как другая тройка губастых бандитов висела на связанных конечностях командира, удерживая его в позе дискобола. Единственный бандит с накаченными мышцами лупил майора со всей африканской дури по болевым точкам. Лупил старательно, самозабвенно, профессионально.

Внезапно экзекуция прервалась.

В душевую стремительно ворвался пожилой мужик в приличной одежде. Приличным прикидом для жаркого нищего континента считались светлые льняные брюки, легкие парусиновые туфли, рубашка из чистого хлопка. И конечно же, верх местных понтов – торчащий из кармана спутниковый телефон со складной антенной.

Некоторое время худощавый мужик рассматривал Новикова как редкостное насекомое. Потом, выбрасывая вперед коленки, подошел и направил на его голову кривой коричневый палец:

– Do you speak English?

– Только со словарем.

Он переместился к Славику, чтоб заполучить короткий посыл:

– Иди ты в жопу!

Мужик энергично объяснялся со свитой, состоящей из парочки столь же неплохо одетых соплеменников. Вооруженная охрана приехавшего начальства толкалась в коридоре; внутрь душевой босса сопровождал только один телохранитель – здоровенный лысый негр в майке камуфляжной расцветки и с «береттой» в легкой кобуре на поясе.

Очень колоритный мужчина! Его бы в кипятке сварить под барабаны. Эх, все же в Средневековье были настоящие эстеты этого дела. А сейчас одни разговоры о толерантности. А чтобы от души, от сердца – хренушки!..

И опять внутри деревянного домишки раздавались громкие фразы на английском – на сей раз, смешно открывая огромный рот, местный босс говорил с кем-то по телефону. За переговорами через спутник компания удалилась из душевой. А спецназовцы остались со связанными руками под направленными в их головы автоматными стволами...

– Надо что-то изобрести, Паша, – шепчет Славка. – Сейчас папуасы посовещаются на свежем воздухе под луной и единогласно проголосуют зажарить нас на вертеле!

– Изобрети, если такой умный! – облизал разбитые губы тот. И добавил: – Не забывай, что за стенкой еще Семен с Серегой. Их тоже надо как-то вытаскивать.

– Помню... Как думаешь, наши слышали перестрелку?

– Вряд ли – далековато было.

– Да, согласен. Иначе уже были бы здесь...

Безысходность. Или, выражаясь по-русски – полная задница. И как ни крути, а Славка прав: хорошо бы что-нибудь придумать, иначе гнить им в здешних песках.

Вскоре местный босс снова стремительно вошел в душевую. Следом за ним черной тенью следовал щуплый мужичок. Как оказалось – переводчик.

– Зачем русские спецслужбы послали вас сюда и каким образом вы поддерживаете с ними связь? – озвучил толмач первый вопрос босса.

Спецназовцы прикинулись, будто не понимают.

Последовал второй вопрос:

– С какой целью вас сюда послали?

Затем третий, четвертый, пятый...

Вообще-то, хамить молча – целое искусство. Это Новиков уяснил давно. Применимо оно к людям, уверенным в своем праве хамить тебе. Таким правом часто пользуются школьные учителя, начальники, полицейские, чиновники, гаишники... Нужно подчеркнуть.

Данное искусство требует внутреннего чувства собственного достоинства, глубокого спокойствия и развитых мимических мышц. Главное – психологический настрой. Нужно свято верить в то, что твой оппонент – полный идиот и ничтожество, пусть и имеющее над тобой в данный момент некую власть. Когда этакий придурок начинает на тебя наезжать, а ты волею обстоятельств не имеешь возможности дать ему в торец, то ни в коем случае нельзя злиться. Надо четко выражать своим лицом определенную последовательность эмоций. К примеру, эмоция первая, с удивлением: «Ой, блин, ОНО говорящее!» Или вторая эмоция – снисходительно-терпеливая: «Раз оно уже прилипло к ботинку, то давайте послушаем, чего оно там несет...» Была в его арсенале и третья – скучающая: «Да-да, спасибо, я уже изучил удивительный феномен, позволяющий вам производить подобие осмысленной речи. Мне стало скучно, и нам пора прощаться...»

Увидев на вашем лице одну из вышеописанных эмоций, оппонент моментально поймет: все им только что сказанное не имеет для вас никакого значения. Он может угрожать походом к директору, увольнением, административным арестом, пытками и даже расстрелом, но внутри будет чувствовать себя говорящим дерьмом. И все его претензии будут смешны и неубедительны даже для него самого. Нет способа сильнее оскорбить человека, чем молчаливое хамство.

Наконец Новикову надоело внимать исковерканным фразам, и он отправил переводчика на чистом русском – матерно и очень далеко.

Тот перевел ответ, и застоявшийся без дела лысый амбал снова взялся за дело. На этот раз досталось и Славке...

Большеротый выкрикнул команду. Задыхающийся лысый прекратил экзекуцию и послушно отступил на шаг. Камуфлированная майка была мокрая – хоть выжимай. Он тяжело дышал, однако, достав из кармана бинт, разорвал его на две части: одной вытер бычью шею, вторую протянул Новикову.

– Какой у вас дебил воспитанный, – сплюнул тот на пол кровь. – Пусть развяжет мне руки. Или боитесь?

Переводчик снова балакал на басурманском, и босс соглашался. Запястья Павла наконец освободили от надоевших веревок. Тяжело поднявшись, он под пристальными взглядами охраны подошел к стене, покрутил допотопный кран и смочил холодной водой смятый бинт. Отжав его, приложил к разбитым губам. И медленно вернулся к лавке.

Пора было приступить к рукопашному бою.

Чтобы в условиях обычной войны дело дошло до рукопашной, бойцу нужно умудриться растерять все: автомат, гранаты, нож, саперную лопатку, поясной ремень, бронежилет, каску. Потом необходимо найти место без камней и без единой палки. Ну и, конечно же, повстречать такого же разгильдяя и придурка. В душевой условия были очень схожи с описанными выше. С той лишь разницей, что разгильдяи неплохо вооружены, а у спецназовцев не осталось ничего, кроме привинченных к стенам крючков для одежды и свисающих из потолка труб с насквозь проржавевшими лейками. Однако приходится довольствоваться тем, что есть.

Переводчик опять задавал вопросы. Новиков перебил его монолог:

– Не мог бы ты перевести своему корешу одно-единственное слово?

– Нет проблем, – обескураженно ответил тот. – Говори – переведу.

– Простое короткое слово, – сделал Павел шаг к лысому. И тем же спокойным тоном произнес: – Слава, начали.

Их действия стали для вооруженной охраны полной неожиданностью. Как детский понос. Лысый был излишне уверен в своих габаритах, мускулатуре и силе. И конечно же, излучал довольство побитым видом пленников. Оттого и не ждал подвоха. А зря.

Новиков въехал ногой ему в пах несильно и даже ласково – нельзя было, чтобы тот отлетел слишком далеко. Сразу же, пока он не согнулся, выхватил из его легкой кобуры «беретту» и висящий на другом боку армейский десантный нож.

Справа прогремела короткая очередь, сверху посыпались крошка с опилками. Послышались возня, топот, а майор запоздал с первым выстрелом – прыгая в сторону, он вынужден был передергивать затвор.

Три выстрела подряд и свист ножа. Бросил его, почти не глядя, в лавку. Лезвие глухо вонзилось в дерево. Порядок. Сейчас Славка освободит руки.

К стене отлетели два заваленных Новиковым охранника; три фигуры метнулись к двери. Он узнал последнего – босс. Выстрел, другой, третий, четвертый – пули выкрошили стену прямо перед его рожей. Наконец он остановился, присел и в отчаянии обхватил руками голову.

Послышался окрик:

– Паша!

Новиков резко обернулся. У лавки корчатся на полу два охранника, а Славка изо всех сил старается разрезать веревки на запястьях. Рядом, покачиваясь, стоит на одном колене окровавленный африканец с автоматом в руке. Ствол неуклюже рыскает, но направлен прямо в грудь Кудину.

Майор успевает выстрелить первым. Голова бандита резко дергается, окропляя стену кровью и мозгами.

Готово.

Слева доносится протяжный стон. И мстительный голос наконец освободившего руки Славика:

– Это вам за наших раненых! А это за всех обиженных негрятят!..

Босс со сморщенной физиономией согнулся пополам; лысый ползает на четвереньках и размазывает по роже и лысине кровь.

Павел быстро оценил ситуацию. Трое охранников убиты, трое – ранены; освободившийся от веревок Славка держит их под прицелом и лупит ногами босса.

Хлопнув по спине озверевшего старлея, майор скомандовал:

– Хватит! Берем наших и валим отсюда!

Торопливо собрав оружие и боеприпасы, они все-таки задержались в душевой. Здравая мысль пришла в их головы одновременно. Добив двоих раненых бандитов, спецназовцы выволокли за шкуру в коридор босса. Для успешного бегства из небольшого городка он мог пригодиться. Более того – отныне их жизнь всецело зависела от него.

И все же побег в тот раз удался. Забрав своих товарищей, спецназовцы выбежали из деревянного домишки, поливая автоматным огнем тех, кто вздумал преградить им путь. Затем Новиков, присев у пальмы на колени, прикрывал Славку, пока тот грузил в пикап Лапина и Бобровского.

– Уходим! – крикнул старлей.

Майор запрыгнул в кузов и продолжал отстреливаться до тех пор, пока машина не выскочила из городка. Через полчаса они были в расположении группы, а через несколько дней выполнили поставленную задачу по освобождению заложников.

Всего за время той непростой командировки группа уничтожила около четырех десятков бандитов.

* * *

– Я ничего не поняла из того, что вы сказали, но вы достучались до моего сердца.

– Детка, мы знаем друг друга уже полчаса – давай перейдем на «ты».

– Давай.

– Ты не хочешь лишить меня невинности?

– Павел, откуда у тебя невинность?! Ты родился уже без нее!..

Подлый мобильник запиликал в самый неподходящий момент, когда на его коленях сидела симпатичная молоденькая горничная. Павел справился с последней пуговицей легкого платья и переключился на застежку лифчика. До этой знаменательной минуты он потратил целый день на обольщение девчонки. И вот она у него в номере; на столе пустая бутылка шампанского и ваза с фруктами. Бесподобная грудь четвертого размера наконец вырвалась на свободу и вздымается от частого дыхания.

Он целует набухший сосок. У девочки адекватная реакция в виде густого покраснения лица.

Горничная сменилась с дневной смены и не прочь остаться до утра в его номере. Она успела прилично захмелеть от шампанского, в блестящих глазах кокетство и похоть. История движется к закономерному финалу, широкая двуспальная кровать призывно белеет свежими простынями.

Но этот чертов звонок заставляет вернуться в реальность.

Подхватив аппарат, Павел узнал высветившийся номер, приостановил приятное занятие и нажал на зеленую кнопку. Девчонка завелась и не помышляет о тормозах: целует мужчину в шею, шепчет комплименты и просит не отвлекаться...

– Подожди, моя радость, – прижал тот мобилу к другому уху.

– Приветствую, Павел Александрович, – проскрипел знакомый московский голос. – Мне льстит твое обращение, но хотелось бы услышать что-нибудь более традиционное.

– Извините, Юрий Леонидович, это я не вам. Здравия желаю.

– Рад, что не теряешь времени даром. Опять бездельничаешь?

– Леня в молодости, товарищ генерал, – залог здоровья в старости.

– Жаль, не знал этого принципа раньше. Как отдохнул?

– Некоторые плюсы у кризиса имеются: похудел, поумнел, выспался. Нормально, в общем, отдыхаю. А сейчас, как вы успели заметить, вкальваю.

– Всем бы так вкальвать, – проворчал шеф. И перешел к делу: – Вот что, дружище: я выслал за тобой самолет.

– Какой самолет?! – опешил Новиков. – У меня еще первая половина отпуска!..

– Отставить отпуск, майор. Через полтора часа самолет сядет в Адлере. Так что прощайся со своей радостью и пакуй вещички...

Слова генерала прозвучали грустной эпитафией беззаботному отдыху. Через полтора часа борт приземлится в аэропорту Анапы, еще час экипажу понадобится на заправку и подготовку к вылету. Не так уж много у Павла остается времени. Как говорится, бог дал, бог и взял. Застегнув лифчик горничной, он звонко шлепнул ее по заднице.

Та проворно вскочила, а он вздохнул в трубку:

– Понял, Юрий Леонидович. И в какую сторону меня пнет Отечество на этот раз?

– Для начала в Москву – в мой кабинет. Остальное узнаешь при встрече. До встречи, диверсант-развратник...

Вот такие дела. Новиков стоял посреди номера, слушал короткие гудки.

– Ну что такое, Паша? – капризничала рядом девица.

М-да. «Жабу» легко выпустить из бутылки, но загнать зубную пасту обратно в тюбик – уже сложнее.

Он поднял упавшее на пол платье.

– Мне очень жаль с тобой расставаться – ты была ключевым звеном в программе моих развлечений. Но один строгий человек только что приказал вылетать в Москву.

– Кто приказал?

– Папа, – съязвил Новиков.

* * *

Сегодня в России спецназом называют все, что хоть немного отличается от регулярных войск или обычной полиции. Группа майора Новикова принадлежала к самому настоящему спецназу. Он с коллегами многократно хаживал в разведывательные рейды, устраивал диверсии, помогал разворачивать партизанское движение на враждебных территориях и боролся с таковым на дружественных. И конечно же, противостоял терроризму и организованной преступности – куда же в наше время без этого.

В столице Павел пробыл всего шесть часов. Сначала он заскочил с аэродрома «Чкаловское» домой. Там ничего не могло измениться, только слой пыли стал толще, а посреди кухни валялся умерший от голода таракан. Он сбросил отпускной наряд, надел приличный костюм и поехал в «контору» – Антитеррористическое управление.

В мрачном сером здании на Лубянке он встретился с шефом, наскоро пообедал с ним в кафе на первом этаже и снова умчался в аэропорт, где у трапа того же небольшого «конторского» самолета уже дожидалась его группа. Группа спецназа «Овод».

Первыми навстречу командиру выдвинулись заместитель капитан Владимир Лихачев и снайпер Борис Устинов. За ними подоспели Слава Кудин, Гена Силанов и Толя Горбенко. Остальные занимались погрузкой снаряжения.

Последовали объятия, крепкие рукопожатия, вопросы...

– Как отдохнул?

– Море теплое?

– Бабы на побережье красивые?..

Короче, пять минут бардака и всеобщей радости.

Лихачев и Устинов были старыми друзьями Новикова. Первому тоже исполнилось тридцать; он капитан и его заместитель на протяжении последних пяти лет. Силен, вынослив, вдумчив, неоднократно был женат. Пашу всегда уважал, восхищался его способностью доводить любую операцию до победного финала и глядел снизу вверх. Второй на три года старше командира, прапорщик. В глубине души он верен своей супруге, но душа глубоко, а член снаружи. Оба – опытные спецназовцы и надежные товарищи.

– Бабы на побережье симпатичные. Особенно те, что работают в нашем санатории, – вздохнул Павел, припомнив милую горничную. И вдруг спохватился: – Кстати, вы мои шмотки взяли?

– Обижаешь, командир. Вон твои сумки красуются рядом с нашими...

– Тогда по коням. Вылет через двадцать минут...

* * *

После взлета парни достают из закровов хороший коньяк и сытную закуску. Это во Франции испокон веку существует традиция сочетать коньяк с тремя «С»: кубик шоколада (chocolat), глоток кофе (cafe) и затяжка сигарой (cigare). В России своя культура употребления этого напитка: долька лимона, кусочек сыра или еще более обильная закуска.

В качестве тамады, как всегда, рулит старший лейтенант Вячеслав Кудин. Он холост, живет в общежитии. Имеет общительный, легкий и веселый характер. Балагур, юморист и невыносимый бабник.

Заместитель командира группы капитан Владимир Лихачев помогает ему с «сервировкой стола» – раскладывает на целлофановом пакете бутерброды, вскрывает пакет сока... Володя – одноклассник Новикова и слегка засиделся в капитанах, однако генерал Шестопапов обещал в скором времени исправить данный недочет. Лихачев крепкий и надежный мужик, все делает вдумчиво и обстоятельно.

Один из двух женатиков – старший лейтенант Геннадий Силанов. К своим двадцати шести годам он успел обзавестись не только супругой, но и дочерью. Нормальный парень со спокойным и даже мягким характером.

Из объемного пакета достает ароматные домашние пирожки снайпер – прапорщик Борис Устинов. Он самый «древний» в группе – ему тридцать четыре, женат, имеет троих сыновей. В силу своей специальности Борис до предельной степени внимателен и глазаст. Порой даже в мирной жизни он замечает такие вещи, мимо которых любой другой просто прошел бы мимо.

Коньяк по походным кружкам разливает прапорщик Анатолий Горбенко. Родом он из глухой сибирской деревни; отслужив в десантных войсках срочную службу, решил остаться в армии. Получил специальность пулеметчика, в группу Новикова попал четыре года назад. Ему двадцать семь, живет в общежитии. Пару лет назад познакомился с хорошей девушкой и намерен на ней жениться. Как-то в разговоре с генералом Новиков заикнулся об улучшении его жилищных условий.

– А если у них не сложится? – возразил Шестопапов.

– У таких, как Анатолий, холостых выстрелов не бывает, – парировал майор.

– Он настоящий русский мужик и слов на ветер не бросает.

– Хорошо. Напомни мне об этой проблеме, как только они подадут заявление в ЗАГС. Сделаем...

Прапорщик Семен Лапин гранатометчик по специальности и жуткий бабник по призванию. В свои двадцать семь он знает всех девок из гарнизона и населенных пунктов в радиусе пятнадцати километров. Естественно, не женат. Балагур, весельчак, выпивоха. Но к началу любой командировки умеет привести мысли, внешность и физическое состояние в полную норму.

Ликвидатор – сержант-контрактник Сергей Бобровский, как всегда, сидит с краю и, робко улыбаясь, помалкивает. Ему всего двадцать два, пока холост. В обычной жизни скромный, обаятелен, застенчив. В бою храбр, решителен и отважен.

Связист – прапорщик Михаил Бубнов. Невероятно талантливый двадцативосьмилетний парень. Семейно обзавестись не успел. Все свободное время торчит в своей комнате на втором этаже общежития и собирает какие-то хитрые штучки из радиодеталей.

И наконец, санинструктор группы – прапорщик Константин Дубов. Тридцать два года, из которых, по его рассказам, он двадцать пять употребляет чистый спирт. Когда-то он окончил медицинское училище, поступил в медицинский институт, но вскоре был отчислен за прогулы. Загребев в армию, решил остаться в ее рядах. По его словам, только армейская дисциплина может продлить ему жизнь. Холост, живет и пьянствует в общежитии.

Дабы не отрываться от коллектива, майор принял сто пятьдесят миллилитров хорошего алкоголя и, устроившись в широком кресле у окна, закрыл глаза. Нет, спать не хотелось, ведь на берегу Черного моря он отоспался на месяц вперед. Просто по давней традиции дословно вспоминал разговор с шефом и тщательно обдумывал предстоящую работу. Парни знали о его привычке и не беспокоили.

– Наши аналитики считают, что боевые действия в Дамаске ушли на второй план из-за политических договоренностей – там все более или менее ясно. В данный момент центр воен-

ных действий перемещается в сторону Идлиба и Алеппо, – сказал при встрече в кабинете генерал-майор Шестопалов – начальник Антитеррористического управления ФСБ. – По оценкам экспертов, там намечается «Идлибский котел». Но не все так просто и быстро, как нам хотелось бы. С потерей Морека об окружении Эль-Латаминской группировки боевиков говорить, к сожалению, не приходится, и ситуация в лучшем случае сведется к оттеснению боевиков и возвращению прежних позиций. Войска Асада выдохлись, и им требуется перегруппировка с пополнением для продолжения интенсивных наступательных действий в условиях сильного сопротивления и подпитки боевиков поставками оружия и наемников через турецкую границу. Так что задача выйти к границе с Турцией путем прорыва фронта в Латакия или Хаме пока что представляется малорешаемой...

Офицеры стояли у висевшей на стене большой карты Ближнего Востока. На рабочем столе генерала стояли два стакана крепкого чая, принесенного адъютантом по его просьбе. Речь генерала напоминала монолог одного из дикторов центрального телевизионного канала. Монотонно, заученно, штампованно... Впрочем, о новостях с чужого фронта по-другому вещать было нельзя.

– ...Постоянные контратаки прозападных мятежников сковывают активность сирийской армии, которая на значительном протяжении фронта вынуждена переходить к обороне, – продолжал начальник Управления. – При должном развитии событий боевики ИГИЛ могут оказаться в ловушке. Тогда им придется отступать в сторону Турции, к Ираку или бежать через сирийскую пустыню на юг. Как думаешь, какой путь они выберут?

– С линии Идлиб – Алеппо проще и быстрее добраться до Турции.

– Вот и я того же мнения.

– Значит, нам туда дорога? – вздохнул майор.

– Туда, Павел, туда... Только не обычным воздушным путем, а несколько другим.

– Это каким же?

– Самолетом вас добросят только до Новороссийска. В тамошнем морском порту уже стоит под парами грузовое судно. Танкер или сухогруз – я не силен в этих терминах. На нем – под видом членов команды – вы дойдете до Кипра. Точнее, до порта Ларнаки. Оттуда первой же ночью переберетесь на моторной шлюпке до сирийского берега. Высадку мы запланировали вот здесь. – Генерал ткнул кончиком авторучки в пограничный район севернее города Латакия. И задумчиво произнес: – Латакия... Столица алавитов, сирийского религиозного меньшинства, на которое опирается Башар Асад и которое больше всего опасается суннитских боевиков-исламистов.

– Если не ошибаюсь, данная территория находится под контролем правительственных сил?

– Совершенно верно. Рядом с городком Джебла размещена авиабаза «Хмеймим», откуда наша авиация совершает боевые рейды. Но с российскими военнослужащими, Павел, в контакт вступишь только в крайнем случае.

– Миссия абсолютно секретна?

– Да. Наши аналитики опасаются того, что некоторые военнослужащие сирийской армии могут быть связаны с ИГИЛ или радикальной оппозицией. Чтобы полностью обезопасить группу, лучше не вступать в контакт ни с одной из трех сторон.

– Ясно. Какова цель нашей заброски?

– Нас интересует информация о перемещениях через сирийско-турецкую границу.

Новиков удивленно вскинул брови:

– Через всю?!

– Нет, конечно, для исследования всей границы туда пришлось бы отправить не менее пяти-шести групп. Прежде всего интересует граница на линии Латакия – Идлиб – Алеппо.

Это тоже приличная дистанция – что-то около ста пятидесяти километров горной, лесистой и местами населенной местности.

– Какая конкретно информация вам нужна?

– Координаты перевалочных троп. Направление и интенсивность движения. Кто и с каким грузом пересекает эту границу. Ну и было бы неплохо собрать координаты баз ИГИЛ для нанесения воздушных ударов.

– И при этом, как я понимаю, группе нельзя светиться?

– Совершенно верно. Ибо, по официальной версии СМИ, наших сухопутных войск в Сирии нет.

– С определением перевалочных троп проблем не вижу. А как быть с принадлежностью караванов и их содержимым?

– Ничего, тебе и твоим парням не впервой выполнять такие задания.

Усмехнувшись, майор с пониманием кивнул:

– Молчаливые люди в масках с оружием неизвестного происхождения.

– Вот именно. Твои ребята уже получили обмундирование, снаряжение, оружие, медикаменты, провиант и через час будут в Чкаловском. Так что собирайся и ты.

Пару раз группе майора Новикова доводилось добираться до места назначения на различных судах. Оба раза «круиз» восторга не вызвал.

– Опять хорониться в трюме... – вздохнул он.

– Не обязательно. На этот раз для вас приготовлены нормальные каюты.

– Значит, команда в курсе?

– Да. Это проверенные ребята, и никто, кроме них, о вашем путешествии не узнает. На Кипре они спустят специальную шлюпку и доставят вас к месту. На первом этапе наибольшую опасность для твоей группы будет представлять бригада турецких патрульных кораблей, осуществляющих выходы с военно-морской базы Искендеруна. В состав бригады входят четыре сторожевых катера проекта 205Б и восемь американских патрульных катеров двух типов – «Поинт» и «Сильвер Шип». А также не следует забывать о секретной войсковой части № 112.

– Что за часть? – воспользовался паузой Новиков.

– Аналог наших диверсионно-разведывательных центров по подготовке боевых пловцов. Этих ребят могут сравнительно быстро перебросить в любую точку побережья. К тому же, несмотря на ряд разногласий, военное и политическое руководство Стамбула уверенно следует в фарватере США и НАТО – в стране действует не менее десятка учебных центров, где заправляют натовские инструкторы. А не так давно у побережья Турции под предлогом противостояния «международному терроризму» проводились совместные учения турецких ВМС с SEAL – подразделением американских «морских котиков».

Поглядев на мрачного спецназовца, видимо, и без того обескураженного необходимостью начинать операцию с неприятного и малознакомого дела, генерал решил не сгущать красок:

– И все же уверен, проблем с ночной переброской и высадкой на сирийском берегу у вас не будет. Морская авиация в Турции есть, но по количеству и качеству она здорово уступает нашей.

– Ясно. На сколько дней рассчитана командировка?

– Хотелось бы, чтобы вы управились дней за десять.

– Порядок связи?

– Связь кроме экстренных случаев – ежедневно в двадцать два ноль-ноль.

– Понял.

– Ну и хорошо. У нас осталось полчаса. Ты голоден?

– Есть немного.

– Тогда посмотри и внимательно послушай сводку закрытых новостей по Сирии, – покинул кресло генерал. – А я пока распоряджусь по поводу обеда.

Шестопалов включил телевизионную панель, запустил запись сводки и вышел из кабинета. Павел остался внимать тому, о чем говорил с экрана диктор...

Спустя двадцать минут он уплетал второе блюдо и задавал шефу вопросы, уточняя только что услышанную информацию. Тот скрупулезно отвечал, объясняя некоторые тонкости вооруженной борьбы на Ближнем Востоке.

– Как же боевики ИГИЛ умудряются продавать нефть туркам? – допивал майор апельсиновый сок. – Там, где они контролируют границы, все понятно. Но северо-запад страны занят войсками Асада!

– Во-первых, бензовозы с нелегально добытой нефтью идут в Турцию исключительно ночью, когда дороги пустеют и практически не охраняются. Во-вторых, Сирия – бедная страна, и взятка в полторы тысячи долларов может решить массу проблем. Вот и идет нефть за границу сплошным нелегальным потоком. А обратно машины везут для нужд ИГИЛ боеприпасы, медикаменты, продукты и прочее.

– Понятно. Спасибо, Юрий Леонидович, за обед, – поднялся из-за стола Новиков.

– Еще вопросы имеются?

– Да. Каким способом мы вернемся в Россию?

– Вот две частоты – основная и резервная, – подал генерал листок бумаги. – По окончании операции свяжешься с базой, и за вами пришлют пару «вертушек». Ну а дальше – дело техники.

– Понятно. Годится. Последний вопрос.

– Валяй.

– После Сирии отпуск догулять дадите?

Шестопалов с насмешливым возмущением поглядел на подчиненного, снял очки.

– Это зависит от результатов командировки. Возможно, да. Если не схлопочешь выговор...

* * *

Группа майора Новикова прибыла в порт Новороссийска после наступления темноты. Небольшой автобус остановился на пирсе. Подхватив снарягу, спецназовцы быстро забрались по трапу на борт большого танкера «Капитан Булавин».

Капитан встретил весьма радушно: пожал при знакомстве каждому руку, приветливо улыбался, предложил кофе...

– Я и команда предупреждены, – сказал он. – Сейчас второй помощник проводит вас до кают. После размещения милости просим на ужин.

«Ну вот мы и на месте, – осматривая внутренности «лайнера», размышлял Новиков. – Здесь нам предстоит провести минимум неделю...»

Следуя за помощником капитана, бойцы спустились с третьей палубы на вторую, где находились каюты командного состава, и вошли в единственный коридор, насквозь «пробивающий» белоснежную надстройку от одного борта к другому и делящий ее на две равные половины. В носовой расположены апартаменты капитана с просторной совещательной комнатой и две каюты первого класса для старпома и второго помощника. Кормовая половина состоит из десятка небольших помещений: восьми скромных жилищ для механиков и третьего помощника, крохотной сауны, втиснутой посередине, и радиорубки – крайней каморки по левому борту.

Майора Новикова и капитана Лихачева помощник разместил в одноместных каютах. Старших лейтенантов Кудина и Силанова – в двухместной; остальным предложил две свободных четырехместных.

Переступив порог, Павел бросил на пол сумку и оглядел нехитрое убранство «квартирки». В каюте было пусто. Слева на всю высоту помещения был встроен шкаф, за кото-

рым скрывался мизерный галльон с умывальником. Рядом с дверью в галльон урчал холодильник, чуть дальше стояла кровать. Прямоугольное окошко по центру дальней стены открывало «отменный» вид на основание дымящей трубы; но если высунуться по пояс и глянуть влево, то можно было увидеть кусочек горизонта. Напротив кровати к полу было привинчено кресло у письменного стола; над столом висело что-то вроде закрытых книжных полок. Вот и вся роскошь. Этакая комбинация кабинета, гостиной и спальни.

Присев на кровать, Павел опробовал ее мягкость. И остался очень доволен, поскольку чаще приходилось спать на голой земле.

До отхода «Булавина» оставалось не более часа. Вытряхнув из сумки вещи, он быстро распихал их по полкам пустого шкафа. Затем переделся в простенькую одежду: шорты, футболку. И направился навестить товарищей...

* * *

Темной июньской ночью от причала новороссийского морского порта готовился отойти новенький танкер «Капитан Буланов».

«Буланов» был универсальным судном, как говорится, три в одном: танкер, продуктово́з и химовоз. Он имел солидный дедвейт в двенадцать тысяч тонн и неплохую скорость эксплуатации в одиннадцать с половиной узлов. Удачные размеры, усиленная морская функция и повышенная вместимость грузовых танков. Одним словом, современный и, главное, весьма востребованный представитель в своей серии.

Путь ему предстоял неблизкий. Более четырехсот миль от Новороссийска до Босфора, сто шестьдесят миль по Мраморному морю и Дарданеллам и, наконец, самый протяженный этап по Средиземному морю до Кипра – более шестисот миль. В кипрской Ларнаке была запланирована длительная стоянка под разгрузкой, затем заправка топливом, пресной водой. Но эти тонкости группу майора Новикова уже не интересовали. Спецназовцы должны будут покинуть борт судна в первую же ночь.

Итак, судно к отходу готово, бумаги представителями сторон подписаны; топливо, вода, провиант и прочие запасы пополнены до необходимых объемов. Наконец по трансляции разнеслась команда сменить стояночную вахту на ходовую. Дав один продолжительный и три коротких гудка, «Капитан Булавин» отшвартовался от причала. Взбеленив носовым подруливающим устройством воду, энергично отвалил от «стенки», развернулся и направился к выходу из обширной бухты.

Поехали...

Сразу после военного училища Новикову довелось около года послужить в морской пехоте. Соответственно, походил на десантных кораблях, по привычке к качке и прочим особенностям службы на море. Благодаря тому опыту его адаптация к судовому бытию на «Булавине» проходила безболезненно и быстро.

Его коллегам было тяжелее. Особенно Славке Кудину, привыкшему вне боевых действий чуть не каждый вечер лупить пиво в обнимку с грудастыми телками. С другой стороны, холостякам из группы Новикова на танкере будет гораздо комфортнее, чем на спецназовской базе в Подмосковье. Тут тебе и умывальник рядом с койкой, и галльон в двух шагах, и душ с горячей водой под боком, и столовка «этажом» ниже – даже на улицу выходить не надо. В гарнизоне-то оба живут в холостяцкой общаге, построенной в прошлом веке. Самим готовить лень, да и негде. Покушать готовое – через дорогу в кафе, но цены за пирожки и лимонады еще те – «Метрополь» отдыхает. Чуть дальше – дешевая столовка, в которой подают то ли суп, то ли щи. А точнее, что-то среднее. С горохом, с огромными кусками осклизлой капусты, с хлопьями переваренного лука, с каучуковым мясом и непередаваемой мутью, взвивающейся

со дна тарелки при каждом движении ложкой. Есть это нормальный человек не станет даже даром.

Соответственно, и бытовые условия в общаге тоже родом из той же эпохи. Это Павлу как женатику в свое время подфартило с однокомнатной служебной квартиркой, которую после развода с супругой командира почему-то позабыли потребовать назад. А парням до пенсии светит слушать отовсюду пьяные вопли, спать на дырявых казенных простынях и воевать с наглыми крысами.

Жизнь на танкере шла своим чередом. Машины исправно пыхтели и выдавали требуемую мощность, вахты сменялись в назначенный час, «Капитан Булавин» резво рассекал форштевнем морскую волну...

Пужинав, парни вышли на нижний мостик надстройки и долго любовались на оставшийся за кормой залитый огнями берег. Потом разбрелись по каютам.

Утром половина спецназовцев проспала завтрак – расслабились на гражданском судне. Новиков не стал их тревожить. «Пусть отдыхают перед сирийским пеклом, – решил он. – Скоро ли доведется нормально поспать?..»

Через сутки «Булавин» подошел к турецким берегам. А еще через несколько часов вошел в пролив Босфор.

Это звучное название в сознании майора всегда ассоциировалось с короткой и узкой протокой, соединяющей черноморскую акваторию с чем-то там еще. На деле же, будучи здесь впервые, он поразился гигантским размерам созданного природой русла.

В проливе танкер уменьшил ход до малого и шесть часов лавировал меж западным и восточным берегами, расстояние меж которыми временами сокращалось до опасных семисот метров. Над головою проплывали «летающие» конструкции подвесных мостов, слева и справа тянулся бесконечный Стамбул, разделенный проливом на европейскую и азиатскую части.

Наконец, вырвавшись из тесноты в просторы Мраморного моря, «Булавин» повернул на запад, увеличил скорость и полдня резво шел вдоль пестрого турецкого побережья, покуда не достиг Дарданелл. Эта кишка оказалась в два раза длиннее Босфора и, устав созерцать однообразную картину, спецназовцы отправились спать.

* * *

– Не-е-е, все-таки футбол – классная игра! – довольно ржал местный стармех Степан Петрович, в пятый раз просматривая запись прошлогоднего матча Лиги чемпионов. – Вот попробуй в другом месте кого-нить приложить с ноги в голову – сразу года три схлопочешь. А тут всего желтая карточка!..

Старший механик – футбольный фанат и в целом нормальный простецкий мужик. Лет пятидесяти, высокого роста, с крепкой фигурой и темными от ввевшегося масла руками. Както в столовой он подсел за столик Новикова, о чем-то спросил. Они разговорились, а вечером пожилой моряк зашел к майору в гости с бутылочкой хорошего рома. Сегодня – в последний вечер путешествия – он явился снова.

Судно только что бросило якоря на внешнем рейде грузового порта Ларнаки. Ходовая вахта сменилась на стояночную. Вход в акваторию порта, швартовка и начало разгрузочных работ диспетчер порта назначил на шесть утра.

Стармех с Новиковым присели к письменному столу, поговорили. Потом моряк включил видеозапись футбольного матча, а майор собирался с мыслями. Накануне важных операций он не пил ничего крепче индийского чая, поэтому на столе стояли стаканы с ароматным горячим напитком; рядом лежала пара плиток шоколада и полпачки печенья.

– Ну что, готов, Паша? – спросил Степан Петрович, оторвавшись от матча. – Скоро швартовка.

Новиков поглядел на часы...

Ночь. Двадцать минут первого. Пожалуй, в самый раз. Пока подготовят и спустят на воду шлюпку, пока маломерное судно преодолет сто двадцать миль до сирийского берега...

– Команда отдыхает?

– А то! Все, кроме стояночной вахты, отправились смотреть сны.

– Тогда пора.

Пройдя по соседним каютам, майор поднял подчиненных и приказал собраться с вещами на нижней кормовой площадке.

Вернувшись, быстро переоделся в тропическую камуфляжку, проверил оружие, упаковал снаряжение.

– Ну что, будем прощаться? – подал он руку стармеху.

– Э, так не пойдет, – прогудел старший механик. – Вот провожу до площадки, там и простимся...

Они бесшумно покинули каюту и направились к трапу, ведущему вниз. Ориентируясь как у себя дома, Петрович насвистывал любимую песенку и уверенно шествовал первым, Павел старался не отставать.

За одним трапом следовали другой, третий, четвертый...

На одном из трапов встретили трех матросов.

– Нас прислал капитан – помочь с лодкой, – объяснил один из них.

– Вот это правильно, – одобрительно прогудел стармех. – Пошли...

Вот и нужный коридорчик чуть выше ватерлинии. Здесь в это время тихо и безлюдно. Разве что крысы – завсегдатаи корабельных низов – черными тенями мечутся, заслышав шаги.

Новиков с моряками у цели. Цель – невзрачная металлическая дверца. Хрустят детали замка, скрипят мощные петли.

– Надо бы их смазать, – ворчит Степан Петрович.

Они внутри.

Щелчок выключателя, и пара ламп за матовыми плафонами освещает желтоватым светом небольшой отсек. На полу резиновый тюк – сложенная надувная лодка. Рядом баллон со сжатым воздухом, подвесной двигатель и восемь канистр с бензином.

– Вот ваше плавсредство, – показал на причиндалы Петрович. И поторопил матросов: – Давайте, ребяташки, побыстрее все это перетаскивайте на нижнюю площадку. Через полчаса лодка должна быть готова...

После недолгого путешествия по коридорам они прибыли на площадку, где уже толкались спецназовцы, а матросы во главе со вторым помощником колдовали над шлюпкой.

Вскоре на краю нижней палубы стояла практически готовая к спуску надувная десантная лодка, рассчитанная на двенадцать человек и четыреста килограммов снаряжения. На корме красовался мощный подвесной мотор, благодаря которому лодка развивала скорость до двадцати пяти узлов.

– Паша, я на этой шаланде не поплыву, – возмущенно зашептал над ухом снайпер Устинов.

– Это еще почему?

– У меня клаустрофобия – ты ж знаешь.

– Где ты тут видишь замкнутое пространство?!

– В гробу замкнутое пространство!..

– Боря, ты же заядлый рыбак!

– Так я по озерцам и протокам шарюсь – там воды по пояс! А тут берегов не видать и акул – как собак в московских подворотнях. Нашли Федю Конюхова!..

– Брось, Боря. В год от падающих кокосов погибает в пятнадцать раз больше людей, чем из-за нападения акул.

– Ага. Только почему-то про кокосы не снято ни одного фильма ужасов...

Перепалка длилась до тех пор, пока Новиков не пристыдил многоопытного прапорщика.

И не отрезал:

– Ну раз так – иди на судно обратно! Обойдемся без тебя!..

Устинов вздохнул и, подхватив пожитки, поплелся к краю площадки...

Старший механик помог матросам управиться со стопами и спуском плавсредства на воду. Потом попрощался с каждым бойцом.

Парни спустились по штормтрапу, приняли ранцы, оружие, канистры с топливом. Место у двигателя занял один из матросов, второй помощник уселся на носу со специальным ночным биноклем. Вся группа разместилась в среднем грузовом отсеке.

– Поехали, – кивнул помощнику майор.

Тот увеличил обороты двигателя. Шлюпка отошла от кормы танкера и понеслась в темноту южной ночи...

Глава вторая

Сирия; восточная окраина Дамаска

Настоящее время

К началу осени две тысячи пятнадцатого года сирийская армия освободила немало населенных пунктов и достаточно много территории, но не смогла решить главных задач. Во многом это было связано с достаточно странной стратегией многочисленных наступлений по расходящимся направлениям при слабо защищенных коммуникациях и ограниченных резервах. Это выглядело как не очень удачная попытка добиться максимального успеха в сжатые сроки, но результаты на выходе получались весьма скромные.

Спустя несколько месяцев боев террористические организации еще не были похожи на структуру, которая всерьез ослабла. Более того, к концу первого осеннего месяца боевики провели несколько удачных наступательных операций и достаточно успешно вели оборонительные сражения к востоку от Алеппо. За минувший месяц в основном за счет отбитых у сирийских войск территорий ИГИЛ даже расширил свою зону контроля. Основные потери населенных пунктов и территории пришлось на долю прозападных мятежников. Это же касается и потерь в командном составе, в рядовых бойцах и технике. В целом террористы продолжали пользоваться разобщенностью своих недругов, которые прямо или косвенно воевали между собой. К сожалению, идея их объединения против террористической чумы к сему моменту не получила развития, хотя именно это российское предложение в целом выглядело наиболее разумным для текущей ситуации.

* * *

На передовой, дугой охватывающей восточный пригород Дамаска, находилась сводная группировка: ополченцы, из которых состояли отряды национальной самообороны, артиллеристы и танкисты сирийских Вооруженных сил. В нескольких точках, находящихся в глубине противника, обосновались группы спецназа. В их задачу входила разведка вражеских позиций, прикрытие наступающих подразделений, корректировка огня из тяжелого вооружения, выявление снайперов.

В этот вечер взвод лейтенанта сирийской армии Равдана Баура держал оборону в отдельно стоящем здании. Эту позицию взвод занял утром – сразу после массированного удара с воздуха российской авиации. К заходу солнца положение стало критическим – вместе с Бауром осталось всего десять человек.

– О, Аллах, помоги нам, – бормотал лейтенант, меняя в автомате магазин.

Смахнув с крышки ствольной коробки белесую пыль, он прислушался... Сейчас можно было полагаться только на слух.

Слева прогремел взрыв. Где-то дальше трещали выстрелы, рядом с противным визгом пролетали мимо или впивались в остов здания пули. Но самолетов, к сожалению, слышно не было.

– О, Аллах, сделай так, чтобы сюда снова прилетели русские и спасли нас... – шептал Баур и поглядывал на клочок неба, видимый из его укрытия. – Через час стемнеет. И тогда нам конец...

Боевики из ИГИЛ атаковали большими силами, применяя гранатометы. Плотный пулеметный огонь не давал поднять головы и высунуться из каменных развалин...

Однако и радикалы несли огромные потери. Когда позволяла обстановка, лейтенант осторожно выглядывал из укрытия и видел усеянное трупами пространство между его позицией и старым разрушенным бассейном.

Лейтенант Баур знал о том, что сводная группировка, в которую входил и его взвод, готовилась к наступлению. Собственно, удержание данной позиции и было его начальной частью. Наступление было назначено на девять вечера, а вот будет ли нанесен очередной удар с воздуха – не знал никто, кроме высшего командования. Русские самолеты всегда появлялись неожиданно, с невероятной точностью сбрасывали на позиции ИГИЛ бомбы и так же неожиданно исчезали.

* * *

До захода солнца оставалось минут сорок.

Командир соединения боевиков Исламского государства Ассаф Махаб нервничал. Отдельно стоящий дом в двухстах метрах от большого старого бассейна был основательно разрушен, но несколько бойцов сирийской армии, засевших там с самого утра, не давали возможности подойти и завладеть им.

Первоначальный замысел захватить пригород Дамаска одним неожиданным и массированным ударом провалился – по всему фронту наступления радикалы понесли большие потери.

Громко выругавшись, Махаб позвал помощника.

– Слушаю, господин, – поспешно забежал тот.

– Прямым штурмом и имеющимися силами укрепленный пункт нам не взять. Свяжись с нашими полевыми командирами. Пусть обрушат на этот дом огонь из всех имеющихся минометов.

– Понял, господин, сейчас исполню.

Вскоре на одиноко стоящий дом начали падать мины, выпущенные из полевых минометов ПМ-120. Одновременно с минометным обстрелом в небе над Дамаском появились российские вертолеты Ми-24.

В это время сводная группировка правительственных сил начинала подготовку к контр-наступлению. По позициям боевиков ИГИЛ и оппозиции била тяжелая артиллерия. По улицам ползли танки. Правительственные силы имели серьезное превосходство в тяжелом вооружении, но боевики в ходе долгой войны научились неплохо минимизировать потери.

Помимо боевых вертолетов в небе над столицей барражировало несколько беспилотников, передающих картину боя в центральный командный пункт. С высоты птичьего полета были отлично видны позиции радикалов: окопы, блиндажи, подземный ход под одной из окраинных дорог. Российские операторы «читали» картинку и сразу же координировали действия авиации.

Минометный огонь полностью разрушил одиноко стоящее здание. Однако стрельбу из минометов заметили с воздуха, и пара «вертушек» тут же получила координаты новых целей.

Передислоцироваться минометчики не успели – после двух заходов пара вертолетов уничтожила почти все расчеты. Однако дом, где оставалось несколько бойцов из взвода лейтенанта Баура, был полностью разрушен. Под обломками лежали трупы солдат и двое выживших: молодой боец и сам лейтенант.

* * *

Наступление правительственных сил только начиналось – большинство радикалов об этом еще не догадывалось. Не знал о нем и полевой командир боевого отряда организации

«Священный Джихад» Халид Юсуф. Он был ближайшим помощником Ассафа Махаба и был послан им на штурм отдельно стоящего дома.

Юсуфу шел тридцать второй год. Он был невысоким, плечистым молодым мужчиной со слегка кривыми ногами. Внутри имел мерзкий нервный характер; снаружи – толстые губы, крохотные испуганные глазки и редкую черную бородачку.

Когда рассеялась пыль после минометного обстрела, Юсуф первым вышел из укрытия. Выстрелов с разрушенной позиции не последовало.

– За мной! – решительно скомандовал он.

Радикалы вошли в руины. Кругом лежали изуродованные останки погибших защитников. В центре одного из уничтоженных помещений сидел и, обхватив голову руками, покачивался рядовой солдат.

– Халид, разреши мне убить его! – выхватив кинжал, направился к нему один из боевиков отряда.

– Нет, – остановил командир. – Сначала мы допросим его. Осмотрите развалины – может быть, кто-то выжил еще...

После короткого осмотра из-под каменных обломков был извлечен еще один выживший – лейтенант Баур. Он был контужен и ранен осколком в плечо. Связав руки обоим пленным, их повели на допрос в расположение штаба соединения...

* * *

Небо над Дамаском стало серым. Ровно в девять тридцать началось основное наступление правительственных войск. Наблюдатели исламистов по-прежнему оставались на передовой. А отряды боевиков начали спешно отступать.

Первым к площади вышел снайпер из отряда сирийской гвардии Хумама. Заняв выгодную позицию, он успел заметить, как игиловцы уводят двух пленных. Однако выстрела он произвести не успел – те скрылись за углом дальнего здания.

До наступления ночи оставалось около получаса, и снайпер стал выискивать цели.

«Блиндаж!» – заметил он чернеющий прямоугольник под невысоким холмом. Прильнув к окуляру прицела, боец стал выжидать, не мелькнет ли в амбразуре чья-нибудь голова...

Мелькнула. Последовал выстрел.

Быстро сменив позицию, снайпер поднял бинокль...

«Не попал», – с сожалением вздохнул он, заметив, как одиночная тень мелькнула от блиндажа и исчезла в какой-то дыре.

– Хумам, – позвал он по рации командира.

– Да, – ответил тот.

– Обнаружил вход в подземный ход.

– Где? Укажи координаты.

– Четыреста пятьдесят метров к востоку от развалин отдельно стоящего дома.

– Рядом с бассейном?

– Да, поблизости.

– Понял...

Бойцы подразделения Хумама подошли к радикалам максимально близко и закрепились на новых позициях. Чуть ближе к бассейну разгорался бой с не успевшими уйти радикалами. Напряжение достигло предела.

– Бойцы должны подойти к бассейну двумя группами, – инструктировал перед наступлением Хумам. – Пулеметчики и снайперы прикрывают их, чтобы во время атаки ни один бандит не смог поднять головы из окопов. Тогда мои парни смогут максимально приблизиться к вражеским позициям.

Такова была первоначальная задумка. Но получилось не все. Как только отряд занял площадь между бассейном и развалинами дома, противник открыл ураганный огонь. Темноту озарили вспышки трассирующих пуль и взрывов. Боевики пытались действовать на упреждение, правда, при этом стреляли вслепую. Бойцы отряда сил национальной обороны медленно продвигались вперед, окапывались.

Рубеж им все же взять удалось. Но ненадолго. К утру боевики получили подкрепление и начали контратаку.

Исламисты пытались подойти ближе, чтобы открыть огонь по одной из позиций из стрелкового оружия. В ответ стреляли танковые орудия. Несколько машин били осколочно-фугасными, чуть дальше по позициям противника работали зенитные установки. После того как боекомплект заканчивался, танки менялись...

Маневрировать боевикам не давали, и в этом решающую роль играли бойцы спецназа. В том числе такие же подразделения, как и взвод лейтенанта Баура.

Глава третья

Сирия; северное побережье – сирийско-турецкая граница

Некоторое время назад

Итак, в противовес всем отрицательным чертам у Новикова наблюдалась и масса положительных качеств. Их, пребывая в философском настроении, он насчитывал ровно восемь. Под первым номером значились ненависть и беспощадность к врагам Отчизны. Под вторым – самопожертвование и бесконечная любовь к друзьям.

Как-то одним прекрасным вечером группа Павла отмечала присвоение очередного офицерского звания Славке Кудину. Присутствовали все, за исключением приболевшего Лихача. Попили, покушали, пообщались и за полночь разбрелись. Новиков решил прогуляться до дома пешком, да и транспорт уже к тому времени не ходил. Идет, дышит свежим зимним воздухом, попыхивает сигареткой...

Проходит мимо автобусной остановки, а там сидит скукожившееся женское тело. Руки в карманах, голова по самый нос в шубе, шапка набоку. Спит. Пройти мимо не позволила совесть – на улице мороз минус двадцать. Замерзнет ведь насмерть. Пришлось внести в маршрут досадные коррективы.

Потолкал он ее: девушка, мол, подъем!

Бесполезно. Ни единого признака осознанного бытия.

Постояв рядом, Новиков методом дедукции безошибочно определил, что тетка подшофе. Хотя это слишком мягко сказано, ибо правильным определением для ее состояния на тот момент стало бы: «пьяна, как сволочь».

Для приведения женской пьяной особи в чувство он перепробовал массу способов, начиная от оглушительных армейских команд, отдаваемых прямо в ухо, и заканчивая звонкими пощечинами по заиндевевшему лицу. Но и это не помогало.

Наверное, со стороны это напоминало увлеченные игры двух глухарей на токовище в брачный период. Самка гордо сидела в сторонке, а самец выписывал вокруг замысловатые пируэты.

«Что же с ней делать? – терялся майор. – Трезвяки давно канули в Лету, в больнички не примут – опьянение не инфаркт...»

И тут с тетки съехала набок шапка, выпустив наружу роскошную копну каштановых волос. Тетка была молодой и довольно симпатичной.

– Так это ж Галка! – внезапно обомлел он, рассматривая лицо. – Супруга Вовки!..

В женах его однокашника Лихача немудрено было запутаться. Вовка был счастлив в браке десять лет, и на это у него ушло пять жен. Галка стала, кажется, шестой – Павел давно сбился со счета и даже не пытался восстановить истину.

Выкурив от усталости еще одну сигарету, Новиков нашел единственно верное решение тащить барышню до дома товарища – благо его дом от злополучной остановки находился в одном квартале.

Потряс напоследок – тишина. Сунул шапку за пазуху, дамскую сумку повесил на шею, зацепил девку за руку...

Тяжелая. И шуба, сволочь, скользит. Да и под ногами далеко не асфальт. Представив путь длиною в квартал, опечалился. Однако, вспомнив, как хрупкие медсестры в войну вытаскивали с поля боя раненых красноармейцев, собрался духом, поднатужился. Подвесил бабу на спину и потащил. А через полсотни метров понял, что Галка не особо тяжелая и вполне транспортабельна.

В середине квартала они попали в ледяной плен и все-таки упали. Павел оправдал недоумение тем, что и сам был прилично нетрезв. Сначала отряхнулся сам, потом проверил, жива ли барышня.

Руки-ноги целы, сиськи на месте, шишек на голове нет.

Опять закинул ношу на спину и заскользил дальше...

Дошел до нужного дома, кое-как поднялся на этаж, прислонил тело к стенке и позвонил в дверь.

В коридоре послышались шаги. Дверь открылась.

– Паша? – стояла на пороге Галка.

Сказать, что Новиков обалдел, – не сказать ничего. Перед ним стояла та Галя, которую он пер целый квартал. «А что же я полчаса таскал на спине?!» – подумал он.

Следом за Галей к двери подгреб простывший накануне Лихач.

– Здорово, Паша!

– Здорово.

– А это что? – показал друг на полумертвую девку.

– Да вот жену твою пьяную принес, – как-то неуверенно произнес майор.

– Какую жену? Вот моя стоит.

– Какая на остановке валялась, ту и принес...

«Шикарный розыгрыш, – подумал Новиков. – Прямо десять баллов из пяти!»

По всему было видно, что товарищ оценил поступок Павла. Ведь тот искренне полагал, будто нашел на остановке Галину, и тащил ее на себе несколько сот метров.

– Ну, ты заходи и бабу свою заноси, – посмеиваясь, пригласил Вовка. – За столом объяснишь, что к чему...

С бессознательной подружки они сообща стянули замшевые сапожки, сняли шубку, после чего определили на диван в гостиной, а сами пошли на кухню объясняться и злоупотреблять. Ржали в три рыла как кони до четырех утра. Только Павел частенько про себя думал: «Чего ж теперь делать с неопознанным женским телом? И надо же было так нажраться, чтоб попутать!»

В пылу жаркого спора компания подбежала к диванчику. Настоящую Галку усадили рядом с самозванкой и стали искать сходство.

Лихач категорично заявил:

– Ни фи́га не похожа!

– Один в один, – настаивал на своем Новиков.

– Спорная наружность – с мордочкой перекурили. И явно полнее оригинала, – торжественно вставила свои пять копеек уже прилично поддатая Галка. При этом задрала подол платья незнакомки, оголив затянутые в черную лайкру бедра. И тут же распахнула легкий халатик, демонстрируя свои стройные ножки: – Ну, посмотрите внимательно, мужчины, – разве не замечаете разницы?!

– Да, ты постройнее будешь. Зато у нее сиськи больше, – резонно заметил супруг, держась за дверной косяк.

– У нее больше?! – кинулась хозяйка квартиры стягивать с пьяной гостьи платье и лифчик.

Грудь у неизвестной девушки была знатной. Решительно расстегивая верхние пуговицы халата, Галка намеревалась продемонстрировать и свою, но соревнование женских прелестей остановил Павел.

– Ладно, хорош прикалываться. Я серьезно спрашиваю: куда ее теперь девать?

– Ну, куда-куда... – пожала плечиками Галина. – Завтра очухается и на своих двоих свалит, куда ей надо.

– Оставайся у нас, завтра видно будет, – предложил Лихач.

– Остаться? Это запросто. А где мне лечь?

- С ней на диванчике и ложись – другого места у нас нет.
- С ней?! Я с незнакомыми женщинами не сплю.
- Так представься и пожми ей ручку, в чем проблема? – хитро подмигнула супруга однокашника. – Если что – презервативы на подоконнике.
- Какие к черту презервативы?!
- Паша, не будь ханжой – ты уже взрослый. Давно пора знать, что все бабы так же млеют от секса, как и мужики.
- Я где-то это слышал.
- Ну вот... Сейчас мы свежее бельишко постелем. Может, ее дальше раздеть?
- Не надо.
- Как знаешь...

Пока хозяйева квартиры суетились с постелью, майор курил у окна и смотрел на спящую девицу. На запойную алкоголичку она однозначно не походила. Здоровый цвет лица, ухоженные руки; а стойкий аромат французских духов даже перебивал запах алкоголя. Норковая шубка, замшевые сапожки и золотая цепочка на шее. Модные чулки и дорогое нижнее бельишко. Явно не бомжиха.

Щелчком отправив в ночь окуроч, он направился в ванную, где принял душ. Затем потушил свет, разделся и лег с краю. Девица сопела рядом, досматривая девятый сон...

Под утро он почувствовал легкое прикосновение к щеке. Открыл глаза. Проснувшаяся женщина, прикрывая грудь, изумленно глядела на него.

- Вы кто?
- Павел. А вы?
- Анна. Где я?
- У моего товарища на квартире.
- Ничего не понимаю, – обвела она обстановку возмущенным взглядом. – Как я сюда попала? И вообще... в чем дело? Почему вы спите рядом?!
- Вы, барышня, давеча напились до бессознательного состояния и в жуткую стужу устроились почивать на остановке, – с хрустом потянулся он. – Лучше бы спасибо сказали, прежде чем удивляться лежащему рядом незнакомцу в модных хлопковых трусах и в майке с надписью bad boy.

Переварив информацию, она, вероятно, восстановила часть вчерашних приключений и приуныла. Сцепив руки, она нервно захрустела тонкими пальцами.

Пришлось Павлу вкратце объяснить, что красивым дамам в таких дорогих шубках и замшевых сапожках на каблуках негоже херачить водку до поросычьего визгу и отключаться на не приспособленных для сна территориях.

- А почему на мне... половина одежды?
- Не понял вопроса. Вас интересует, почему сняли половину одежды или почему не сняли вторую?
- Нахал, – икнула она.
- Павел скучаяще зевнул.

– Не стоит беспокоиться. Мы люди порядочные и уж если ночью не воспользовались вашим располагающим состоянием, то сейчас тем более не обидим. Шубка ваша висит в прихожей, сапожки – там же. Платье сняли, чтоб не помялось. От лифчика вас освободила жена моего товарища, сказав, что спать в нем хрупкому женскому организму вредно. Так что отдыхайте дальше, а часиков в десять отправим вас домой в целости и сохранности.

Ответ ее успокоил, и она снова улеглась рядом.

Но через минуту жалобно прошептала:

- Павел, я хочу писать.
- Ванная комната с туалетом прямо по коридору и налево, – объяснил он.

– А где можно попить?

– Кухня с холодильником и рассолом прямо по коридору и направо.

Анна перелезла через него и исчезла за дверь.

Вернулась она через четверть часа. Осторожно ступая босыми ногами по полу, посвежившая после душа девушка несла в руках остатки одежды, вокруг бедер было обмотано полотенце.

Она выглядела загадочнее самой черной космической дыры. И была чертовски соблазнительна – Новиков невольно залюбовался ее телом. Среднего роста, стройная; с правильными чертами лица и гладкой глянцевой кожей. Длинные распущенные волосы темно-каштанового цвета ниспадали по плечам. Красивая грудь с набухшими от утреннего холода сосками. И даже замутненный взор серых глаз от вчерашнего алкогольного излияния не отторгал, не портил ее внешности.

Уложив одежду на стул и сбросив полотенце, девушка забралась под одеяло, прижалась к нему своим телом, обняла. И, чмокнув в щеку, шепнула:

– Ты настоящий мужчина.

– Я догадывался.

– У тебя есть презервативы?

Он припомнил, как перед сном ему хитро подмигнула Галка, и усмехнулся:

– Кажется, должны быть на подоконнике...

* * *

Второй помощник вскинул правую руку. Матрос послушно заглушил двигатель, последнюю милю работавший на самых малых оборотах.

Несколько долгих секунд суденышко двигалось по инерции. Затем резиновое днище тихо прошуршало по песчаному дну и остановилось.

– Прибыли, – вполголоса доложил помощник.

Работа закипела без раскочки и промедления. Встав цепочкой, бойцы передавали загруженные ранцы, жилеты, оружие, боеприпасы, связанное в тук обмундирование, обувь...

– Кажись, все, – вытер с лица пот помощник.

Разгрузка получилась не из легких – вещей на десять человек было немало. Уставший Лихачев виртуозно матерился; Кудин отплевывался, Силанов вытряхивал из уха воду; остальные, покончив с работой, попадали на мокрый песок.

– Не задерживаемся, парни, времени до рассвета мало, – поторапливал майор.

И верно – небо на востоке становилось фиолетовым.

– Удачи вам, мужики. – Прощаясь, моряки пожимали бывшим пассажирам руки.

– И вам спасибо! – поблагодарил Новиков. – Шуруйте обратно. Не дай бог, морской патруль нагрянет.

Столкнув изрядно полегчавшее плавсредство с отмели, матрос с помощником запрыгнули на его борт. Тихо заурчал двигатель, и скоро резиновая лодка исчезла в темноте.

– Ну что, граждане? Пора и нам в путь-дорогу, – взвалил на спину тяжелый ранец Павел.

– Поехали, – вздохнул заместитель.

Бойцы подхватили оружие со снаряжением, приготовились к походу. И вся компания дружно зашагала вверх по уходящей от моря тропинке...

* * *

Высадка произошла на побережье всего в трех километрах южнее турецкой границы. Слева скупо светились огни пограничного селения Тайтузалаг, справа мерцали огни прибреж-

ного поселка Уметли. Где-то в ночной мгле между ними высился длинный горный хребет, по склону которого группе предстояло топтать на восток...

Жизнь в джунглях, в пустыне или в тайге Новикова не тяготила. К лишениям он давно привык, а навыки охотника, рыболова и собирателя помогали переносить любые лишения.

Однажды ему с Вовкой Лихачевым довелось в одиночку пробираться по диким джунглям Западной Африки. Днями шли, тщательно выбирая безлюдные места. Ночами спали в небольших углублениях, укрываясь разорванным брезентом от ранцев. Питались чем бог послал, ибо запасы к тому времени закончились. Встречая речушки, ловили жирных угрей, иногда охотились на мелкую дичь или жрали толстых личинок – продляя себе жизнь, занимались известными промыслами. Так и выживали, пока не добрались до места, где обитало союзное племя. Оттуда опять же с божьей помощью связались с нашей дипломатической службой. Одним словом, выбрались, о чем потом не раз вспоминали с шутками и смехом.

Растянувшись на два десятка метров, группа пробиралась по густым лиственным лесам. Освещая путь фонарем, первым шел снайпер Борис Устинов. Вторым на дистанции пяти шагов следовал Новиков. За ним, стараясь не отстать, топал Слава Кудин. Далее шли прапорщики Горбенко, Бубнов, Лапин и Дубов. Замыкали колонну сержант Бобровский, старший лейтенант Силанов и капитан Лихачев.

Оружие в этой операции было решено использовать не самое убойное, но надежное и современное. В распоряжении группы была пара обычных автоматов с подствольниками, семь бесшумных «Валов», СВД-С, ПКП «Печенег», пистолеты, ручные гранаты, ножи и даже гранатомет РПГ-32 «Хашим» с небольшим запасом термобарических зарядов калибра 72 миллиметра.

Через каждые тридцать-сорок минут Новиков приказывал группе остановиться. Запросив по миниатюрному навигатору место, он получал координаты и сверялся с подробно подготовленной картой, которую получил перед началом операции от генерала Шестопалова.

Все были одеты в тропическую камуфляжку и разгрузочные жилеты. У каждого за спиной висел походный ранец и каждый был в удобной обуви, которую выбирал самостоятельно. В ранцах было все необходимое для рейда по тылам противника. Ни один боец не сможет долго воевать без минимума нужных вещей: еды, одежды и удобного места для сна. Все это тщательно укладывается в РД или рюкзак. Укладка проводится по весу и важности: тяжелые шмотки и вещи второстепенной необходимости лежат в самом низу, что позволяет снизить центр тяжести. Легкое и самое востребованное – сверху. Коврик сворачивается валиком и пристегивается снизу, что позволяет сидеть на коротких привалах, не снимая РД.

Подъем начался практически от самого берега. Сначала пологий, затем все круче и круче. А через два часа пути взбираться вверх приходилось едва ли не на четвереньках.

– Все, парни, привал двадцать минут, – тяжело дыша, объявил майор. – Мы на вершине. Высота девятьсот метров над уровнем моря.

Бойцы побросали ранцы и попадали на землю. За три часа пути прошли всего четыре километра. Четыре тяжелейших километра, преодолев тем самым первый этап ночного перехода.

Немного отдышавшись, народ зашевелился. Кто-то пил из фляжки воду, кто-то осторожно подпаливал сигарету, кто-то негромко переговаривался...

– До длительного привала нам предстоит протоптать еще шесть километров, – объявил Новиков.

– Опять в гору? – простонал Лихачев.

– Нет, по пересеченной местности. Лысые холмы и лесистые низины.

– Ну, это попроще.

* * *

Российский контингент из числа так называемых «неофициалов» в Сирии насчитывал около тысячи человек. ЧВК, наемники, добровольцы... В основном он был задействован на севере Латакии, но уже к лету две тысячи пятнадцатого года стали очевидны тенденции к его резкому увеличению. Поставки «сирийским экспрессом» шли бесперебойно. В Сирию переносили как технику для армии Асада, так и артиллерию с РСЗО с «военнослужащими-отпускниками». Интенсивность сражений требовала постоянной огневой поддержки, поэтому контингент за летние месяцы войны увеличился едва ли не втрое. Никаких решений на приостановку наступления Асад не принимал, и поддержка из России нарастала с каждой неделей. Теперь уже под установленным «воздушным зонтиком» ВКС.

На втором этапе перехода ничего не изменилось: группа шла длинной цепочкой по редколесью. Изредка по команде майора бойцы останавливались для кратковременного отдыха и сверки маршрута. Впереди, как всегда, подсвечивал путь потайным фонарем снайпер.

Количество вооружения и вещей, которые берет с собой в рейд профессиональный снайпер, весьма разнообразны. Тут как минимум пара образцов специального оружия, несколько ножей, запасная оптика, веревка и многое другое. Работают такие поодиночке или парами. Задача – найти и уничтожить самую приоритетную живую цель в заданном районе. Любое снаряжение хороший снайпер наверняка переделает или изготовит самостоятельно, ведь снайпинг не просто профессия – это стиль жизни и довольно легкий путь к смерти.

Запасное оружие для снайпера – последняя надежда на спасение в случае обнаружения. Только в голливудских фильмах стрелок с крупнокалиберной винтовкой отстреливается от наседающего противника. В современной войне не обязательно идти в лобовую атаку на снайпера и умирать под его прицельным огнем. Достаточно скинуть координаты стрелка батарея реактивных систем залпового огня и... пишете письма на тот свет. Поэтому запасное оружие берется для ближнего боя в пределах двадцати-тридцати метров. Как правило, это небольшой пистолет с глушителем калибра до девяти миллиметров и мощный короткоствол типа «Стечкина» или СР-1 «Гюрза». Хотя такие гиганты и не скорострельны, но имеют высокую точность и сильное останавливающее действие, выводя из строя противников, облаченных даже в тяжелые бронежилеты. Шум в этом случае роли уже не играет. Тут главное – выжить.

Часам к трем ночи впереди раскинулась открытая местность. Пригнувшись, Устинов вскинул правую руку.

– Что у тебя? – подобрался к нему Новиков.

– То ли просека, то ли дорога, – подал тот прибор ночного видения.

Осмотрев местность, майор развернул карту.

– Сейчас посмотрим. Подсвети-ка...

Судя по карте, по открытой равнине меж двух горных отрогов петляла проселочная дорога, соединявшая небольшие приграничные селения.

Новиков показал узкую ленточку, выходящую по ущелью сквозь сплошное зеленое море леса. Нажав несколько кнопок навигатора, он отправил запрос спутниковой системе ГЛОНАСС. Получив координаты, майор определил свою точку на карте.

– Все верно. Мы здесь, – показал он на место в двухстах метрах западнее проселка.

– Надо бы затаиться и выяснить, что за дорога.

– Верно мыслишь, Боря. Не переть же вдесятером по открытой равнине...

Объявив группе тридцатиминутный привал, командир выслал снайпера вперед метров на двести. Прихватив только оружие и прибор ночного видения, тот налегке исчез в темноте...

Дорога оказалась непроезжей. Во всяком случае, за полчаса наблюдения ни слева, ни справа не появилось ни одного автомобиля. Группа быстро пересекла ее и направилась в сторону ближайшего лесочка.

* * *

Следующие полтора часа пути не привнесли неожиданностей. А когда небо на востоке окрасилось в фиолетовые тона, на дне очередного ущелья блеснуло русло горной реки.

Спустившись по склону, вышли к берегу. Оценив скорость бурного потока, решили поискать для переправы местечко поспокойнее.

Поиски заняли минут двадцать. Буквально за ближайшим поворотом русло расширилось и река плавно несла свои воды.

– Быстрее, парни, – поторопил майор. – Погранцов здесь не встретить, но местных жителей хватает.

Раздеваясь, бойцы упаковывали имущество в прорезиненные мешки, имевшиеся среди прочего снаряжения. Дольше всех возился связист Бубнов, в чьи обязанности входила сохранность аппаратуры спутниковой связи.

Снайпер внимательно осмотрел другой берег и дал добро:

– Чисто. Можно идти.

Бойцы вошли в воду. Течение речушки было несильным, а глубина местами доходила до полутора метров.

Преодолев последний десяток метров, спецназовцы выбрались на берег.

– К зарослям, – распорядился Новиков. – Там приведем себя в порядок...

В зарослях бойцы снова облачились в сухую камуфляжку, навьючили на себя снаряжение и приспособили оружие к следующему этапу перехода.

– Готовы? – справился майор.

– Как пионеры.

– Тогда вперед...

За два утренних часа группа протопала еще около шести километров, среди которых были и крутые подъемы, и спуски, и равнины. Изредка попадались густые лесные заросли, и все же двигаться при свете солнца стало гораздо легче.

Около десяти часов утра лидирующий снайпер опять вскинул руку.

– Дорога, – просигнализировал он.

Периодически сверяя маршрут с картой, Новиков уже знал, что скоро группа подойдет к этому линейному ориентиру, соединяющему два относительно крупных села: Кастал Маф и Ниб Алмер. К сожалению, эта дорога была оживленной – то слева, то справа появлялись автомобили. Грузовики, пикапы, легковушки... Старые, потрепанные, большинство с камуфляжной расцветкой, оставляющие за собой облака белесой пыли.

– Черт, – поскреб Новиков затылок, – немного не успели. Подойти бы сюда на часок раньше...

Прапорщик проворчал:

– Никогда бы не подумал, что в такой глуши можно встретить дорогу с интенсивным движением.

Поглядев на часы, майор призадумался. Рисковать не хотелось. Терять несколько часов – тоже было обидно. Для длительного привала бойцы еще «не созрели». Он планировал организовать его через полтора часа – на четыре километра юго-восточнее поселка Ниб Алмер.

Однако на ум ничего не шло, кроме старого и проверенного способа: оставшийся световой день попросту отдохнуть и отоспаться, а открытую часть местности с оживленной дорогой пересечь ночью. Данный способ частенько применялся группами спецназа во время

скрытных рейдов по тылам противника. Ночами передвигались, под утро выбирали укромное местечко, выставляли дозор и занимались своими делами: кто-то готовил пищу, кто-то отсыпался. Командир же, как правило, планировал следующий этап марш-броска...

Так и поступили. Отыскав в лесочке приюток, устроились на отдых. Шедшему впереди Устинову Новиков дал перевести дух, а в дозор отправил Кудина и Горбенко.

– Смена через два часа, – предупредил он.

– Да мы и устать-то толком не успели, – засмеялся старлей и исчез за кустами.

«Этот никогда не унывает, – подумал майор, провожая взглядом спину Славки. – Его в командировках угнетает только одно – отсутствие молоденьких баб».

Однажды зазвал в свою общежитскую комнату знатную барышню по имени Вика. То ли надоело самому готовить, то ли на самом деле планировал на ней жениться – история об этом умалчивает. Чего-то наобещал, поклялся в том, что она в его сердце единственная. Отныне и во веки веков.

Она выслушала, сморщила лобик и посмотрела на Славу с интересом. Примерно так удав смотрит на запущенного к нему в клетку кролика. Оценивающе.

– Хорошо, поверю, – сказала Вика. И в шутку добавила: – Но имей в виду, ежели поймаю на вранье – разнесу тут все вдребезги.

Жили не тужили, а через пару месяцев выяснилось, что помимо Виктории в просторном Славкином сердце прописаны продавщица Аллочка, зубной врач Кристина Георгиевна и крашенная блондинка с гиперболизированным бюстом искусственного происхождения. Имя и должность неизвестны.

Вика расстроилась, поплакала, собрала вещи и, доделав кое-какие дела, уехала к маме.

Вернувшись вечером со службы, Кудин был неприятно удивлен.

На полу комнаты было размашисто выложено слово «скотина». С толстым восклицательным знаком в конце. Сами буквы – серые в тонкую полоску, контур – строго черный.

Материалом для инсталляции послужили два мелко нарезанных костюма – серый от Cavalli и черный от Armani. Бабником Славик был галантным и модным, поэтому средств на «пыль в глаза» не жалел.

Под «скотиной» мелко шинкованными итальянскими шелковыми рубашками имелась подпись – «Вика». И креативный смайлик из парочки превращенных в бахрому сто долларовых галстуков Т.М. Lewin.

С тех пор Кудин баб у себя дома одних не оставляет. Предпочитает вылазки на их территорию или зазывает к себе исключительно для постельно-кроватьных развлечений.

* * *

Итак, согласно всем удостоверяющим личность документам, командиром группы спецназа являлся Новиков Павел Александрович. Майор, заместитель начальника бригады специального назначения. Русский, тридцати лет от роду.

Павел был высок, статен, сероглаз, на здоровье не жаловался, желтухой, ветрянкой и свинкой в детстве не болел. Большинство баб считало его наружность очень даже привлекательной. Особенно жарким летом на пляже, когда на его теле оставались одни плавки. Возможно, так и было – им виднее. Более всего он ненавидел зависимость. Именно поэтому, почувствовав однажды, что основательно подсел на сигареты, он заставил себя бросить курить и с тех пор дымил в крайних случаях. По той же причине Новиков спокойно относился и к алкоголю. Как к лекарству: мог легко накатить стакан водки после боя или рюмку-другую при встрече с лучшими друзьями.

Его юность пришлась на лихие девяностые, однако к «отрыжке» тех девяностых он себя не относил. Пиво в пластике не любил, энергетиков и наркотов не пробовал, у подъездов на

кортах не сиживал и семок не лузгал. Вместо этого читал книги, смотрел хорошие фильмы, ходил в походы, тягал «железо» в качалках – в общем, вел здоровый и правильный образ жизни.

Кстати, о бабах. Не женат он был тоже из-за неприязни к зависимости. Ныне – после короткой супружеской жизни – даже представить не мог, что кто-то ежедневно будет контролировать каждый его поступок, каждую минуту его драгоценного свободного времени.

Почти десяток лет назад он окончил Рязанское десантное училище; на год загремел в морскую пехоту. Там заметили и перевели сначала в разведроту, затем в армейский спецназ, где прошел все ступени от командира взвода до начштаба батальона. В полевых лагерях был для солдат садюгой, а в боях – нянькой. На мины шел впереди сапера, в атаку поднимался первым. В общем, был уважаемым и требовательным командиром, ибо разделял мысль, высказанную Конфуцием: «Отправляя бойцов на войну неподготовленными, мы предаем их».

Позже – когда получил второй орден – взяли в спецназ ФСБ. Всю сознательную жизнь, за исключением моментов ее нетрезвого восприятия, он готовил себя к борьбе с врагами Отечества. Дрался, выживал, зализывал раны, умирал на тренировках Кочергина и Шеменёва, убивал и калечил сам и снова зализывал раны...

И все же, как доказывает многолетняя практика, Родину гораздо труднее защищать от своих, нежели от чужих. «Свои» ударными темпами разворовали закрома, затеяли чумовые реформы: образования, ЖКХ, судебную, административную... В довершение в пух и прах разгромили наши Вооруженные Силы. «Свои» – что тут скажешь...

Спору нет – реформы нужны. Только не такие, от которых молодежь тупеет и спивается, армия чиновников растет, а из армии всамделишной людей гонят на улицу. Эти «свои» планомерно убивали военную науку – закрывали НИИ, академии, лаборатории и гробили целые рода войск. В конце концов добрались и до элитных войск спецназа: одним росчерком пера была уничтожена та бригада морской пехоты, где начинал свой боевой путь Новиков. Изрядное сокращение претерпело и десантное училище.

– Сволочи, – всякий раз приговаривал Новиков, вспоминая те лихие времена. – Спецназ – это качество, а не количество. Эффективное подразделение антитеррора нельзя создать по команде сверху – нужны десятилетия...

* * *

Отдышавшись и восстановив дыхание, бойцы зашуршали упаковками сухпаев.

Для спецназа ФСБ выпускались специальные пайки, несколько отличавшиеся по рациону от других. Срок хранения – не менее трех лет; универсальная металлизированная упаковка для удобства разогрева.

Самая важная составляющая успеха любого рейда заключается в нормальном питании – без пищи боец теряет силы и, как следствие, быстрее устает. В итоге к концу рейда превращается в безразличное существо, единственное желание которого остановиться, поспать и поесть. Размер пайка требуется рассчитывать исходя из того, что бойцу потребуется как минимум четыре тысячи килокалорий в сутки, при этом вес и объем продуктов должны быть минимальны.

Из серьезной еды внутри зеленого пакета с удобной ручкой хранятся галеты из темной и светлой муки, два первых блюда, несколько вторых, консервированный плавленый сыр и колбасный фарш; нежнейший мясной паштет, напоминающий по вкусу и качеству детское питание из натурального мяса. Плюс три вида соков: высыпал концентрат в холодную воду, размешал и получай приятный бодрящий напиток. Чай, кофе, витамины, сахар, соль, перец, пластиковые ложки и нож. Рядом плитка вкуснейшего шоколада и тубик с настоящей сгущенкой. Слева под ложками три маленьких бумажных квадратика с таблетками для обеззараживания питьевой воды.

Чуть в глубине лежат четыре пакета-разогревателя с подробной инструкцией. Открытого огня разогреватели не требуют, что очень важно для маскировки. Вкупе с пакетами имеются набор негаснущих «охотничьих спичек», сухой спирт для поддержания огонька, влажные салфетки и даже упаковка жевательной резинки.

Вся пища питательная и качественная. Ее немного. Но, во-первых, на голод в командировках никто из бойцов не жаловался. А, во-вторых, при утомительных марш-бросках до отказа набивать желудок крайне вредно.

Покончив с трапезой и закопав остатки упаковок в рыхлый грунт, Новиков прилег, закинув руки за голову. Яркое летнее солнце, висевшее за шелестящей листвой, начинало пригревать.

Мышцы после долгой нагрузки наконец расслабились.

Рядом устроились два давних товарища – снайпер Устинов и пулеметчик Горбенко. Эти всегда перед сном затевали диспуты. «Политинформацию», как называли их споры остальные бойцы.

– Вот вы у меня в прошлый раз спрашивали: «Кому на свете жить хорошо?» – бубнил снайпер.

– Я?! – удивлялся пулеметчик.

– Не спрашивал? Ничего, я все равно отвечу.

– Ну, давай...

– Нет, не угадал – не депутату. Депутату, конечно, тоже хорошо, но даже ему приходится в жизни крутиться, чтобы преуспеть. А ты как думал – бюджет сам себя не поделит. Как говорит народная мудрость, под лежащий офшор финансовые потоки не потекут. Лучше всего живет на свете...

– Президент.

– Нет, не президент. Сядь, Толя, два. Лучше всего живется на свете моему коту Хоме. Возьми любого кота, и депутаты полным созывом обзавидуются ему насмерть. Начнем с того, что мой Хома не обязан давать предвыборных обещаний, да и вообще ничего не обязан давать. Он привык получать, а если ему чего-нибудь не дадут, Хома возьмет сам – он не маленький...

Слушать эту парочку можно было вечно. Как смотреть на огонь или мерцающие звезды. Но сейчас Павлу почему-то вспомнилось о родителях. Перед тем как окунуться в сон, он часто их вспоминал. Разговаривал с ними, рассказывал о своей нынешней жизни...

* * *

Его отец умирал стремительно. Павел вырвался на пару дней с подмосковной базы спецназа, где полным ходом шла подготовка к командировке в Афганистан, и прилетел в родной город, чтобы успеть попрощаться.

Павел с трудом узнал папу. На больничной койке сидел худой старик с сеткой глубоких морщин под глазами, редкими седыми волосами и высохшими руками на коленках. Даже не верилось, что это был его могучий отец и что ему всего пятьдесят пять...

Они долго разговаривали о жизни, хотя оба понимали, что на самом деле – о смерти. В те дни мама жила прямо в палате – рядом с умирающим мужем. Ночевала на трех стульях, днем ненадолго убегала домой, чтобы принять душ, сварить кашку и сразу назад.

В палате мама всегда старалась быть бодрой, веселой, иной раз шутила. И только выйдя за дверь – в коридор или в умывальник, – беззвучно плакала.

За несколько дней до папиной смерти – как раз в тот день, когда к нему примчался из Москвы Павел, – с работы прислали сотрудницу с пакетом фруктов. Ну и, конечно, поведать, узнать: как там Александр Юрьевич, насколько все у него серьезно?..

Молодая женщина вошла в палату, поздоровалась и почти не выдала своего испуга, увидев сдавшего коллегу. Поговорив несколько минут, она поднялась со стула, засобиралась и сказала:

– Мне пора, Александр Юрьевич. Выздоровливайте. Мы всем коллективом вас очень любим и ждем...

Тут в палату вошла веселая мама с помытой посудой в руках, и лицо ее моментально изменилось. Она уничтожающе сверкнула глазами на посетительницу и с металлом в голосе произнесла:

– А это еще кто такая?

– Это сотрудница из моего отдела, – попытался объяснить папа.

Но мама и слушать ничего не хотела.

– Чего пришла, сотрудница?! Знаю я этих сотрудниц! Стоит жене на секунду выйти, как они тут как тут! Что смотришь? Глаза твои бесстыжие! А ты чего лежишь, улыбаешься? Я не посмотрю, что ты больной! Я тут кручусь-верчусь, ночей не сплю, а он за моей спиной!.. Больной, а, смотрю, не теряешься! Ты прекрасно знаешь: со мной шутки плохи!..

Папа улыбнулся одними губами и тихо сказал:

– Мамочка, ну ты что творишь? Это же Ольга из моего отдела. Она замужем, у нее двое детей...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.